

— Если вы хотите слушать меня дальше, — сказал великан после передышки, — я помогу вам проникнуть в тот любопытный мирок, который так плохо знают сочинители романов и на который всегда клеветает предание. Мне знакомы его своеобразные радости, его курьезные тайны. То, что расскажу вам я, будет правдиво: ведь я сам прошел через все это или, по крайней мере, видел; этим я жил, от этого и умру. Быть может, когда-нибудь, чтобы использовать свои белые волосы, я буду называть себя альбиносом. Мы говорили о дорогах, поэтому я прежде всего расскажу вам о наших поездках.

Вы видели, как движутся наши караваны — поэтическое название этих домиков на колесах. Они похожи на фургоны, увозящие побежденных в изгнание. Порой окошечко такой передвижной тюрьмы приотворяется, и в нем показывается чье-то странное лицо. Это один из путников высунул подышать воздухом. Завтра он вынужден будет прятаться. Здесь, в тишине, на безлюдной дороге, он может поднять голову, этот свой божественный череп, к небу. Никто не видит его... никто, кроме праведного бога, сотворившего его уродом.

Время от времени раздается бляение, потом хрюканье, ворчанье: это какое-нибудь диковинное животное — человек или тк>лень — требует свою порцию хлеба.

У городских ворот караван останавливается, лошадь привязывают веревкой к дереву, там, где трава чуть позеленее, и она грызет корни, лижет землю.

Дети разбегаются по окрестностям, собирают дикий овес, зеленые ветки для конюшни и хворост для кухни. Путники разводят огонь и едят что придется. Слегка тренируют малышей — будущих акробатов; приводят в порядок монстров; забираются обратно в повозку, задерживают занавеску и ложатся спать.

С восходом солнца снова пускаются в путь. Завтра ярмарка, надо занять место, явиться к мэру, поставить подмости, начать зарабатывать свой хлеб.

Таковы караваны начинающих или уже прогоревших, тех, кто идет в гору, или тех, кто умирает, кто вышел из моды, кого считают слишком старым или слишком скучным, чьи звери одряхлели, чьи трубы всем приелись, а руки потеряли силу: это либо колыбель, либо могила. Такой караван катится к успеху или к пропасти — то ли по милости божьей, то ли по прихоти случая.

Караван удачников — это другое дело. Его везут лошади, имевшие некогда честь выступить в присутствии титулованных особ или же специально нанятые для этой цели в деревне или в городе.

Там имеются спальня, кухня, гостиная, печки, камин, домашний очаг. Там люди ходят друг к другу в гости и устраивают приемы.

Там чисто, пол выскоблен, навощен, покрыт ковром.

— Да вот, — сказал великан, взяв с полки своего шкафчика засаленный листок бумаги, — вот план и устав одной из тех фур, где я работал когда-то.

Я взял бумажку, развернул ее, и вот она с ее объяснениями и со всем ее своеобразием.

ПОВОЗКА БИССОНЬЕ, ПО ПРОЗВИЩУ «ГРЯЗНАЯ БОРОДА»

«Шесть метров в длину, два в ширину и два в высоту, разделена на две комнаты: первая — три метра пятьдесят сантиметров длины — это кухня и столовая. Мебель — стол, четыре узких и длинных ящика для сиденья, в которые можно класть носильные вещи и разную домашнюю утварь, а потому называемые скамейками — сундуками, кухонная печь, переносная, два шкафчика для провизии, или стенные буфеты, правила для обеспечения порядка в заведении. Вторая комната, она сообщается с первой двустворчатой дверью, длина два метра пятьдесят сантиметров, в глубине двуспальная кровать; эта комната, как и первая, освещается шестью квадратными форточками по сорок пять сантиметров. Повозка имеет плоскую деревянную крышу, сооруженную совсем особенным образом, причина не то в оригинальности, не то в большом опыте строителя. Это шестьсот маленьких планок по два сантиметра длины на один ширину, соединенных с помощью сорока шипов каждая, итого двадцать четыре тысячи шипов; слой белил придает этому потолку вид гипсового; описываемая нами повозка стоит на четырех колесах и на шести рессорах».

«Имеется вторая повозка, совершенно такая же, с той разницей, что первая комната служит в ней складом декораций, а вторая — это спальня для служащих заведения; над дверью вывешены следующие правила:

Пункт первый. Все служащие обязаны поочередно подметать повозку до 10 часов утра под страхом 15 сантимов штрафа.

Пункт второй. Каждый служащий должен убирать свою постель до 10 часов утра под страхом 10 сантимов штрафа.

Пункт третий. Кто возьмет и не положит на место туалетные принадлежности — 5 сантимов штрафа.

Пункт четвертый. Служащие не имеют права жечь свет дольше 15 минут после того, как лягут спать, под страхом 10 сантимов штрафа.

Пункт пятый. За курение в повозке—10 сантимов штрафа.

Во второй комнате, имеющей два метра пятьдесят сантиметров, стоят четыре односпальные кровати».

— Такова клетка, таковы правила, — продолжал великан. — Клетку любят, правила соблюдают, и все в доме живут в добром согласии. Медведи принимают участие в играх, тигр вытягивается у ваших ног, а карлик рассказывает небылицы; дело не обходится и без

сплетен.

Оборудование, состоящее из декораций и досок, прибывает по железной дороге.

Так путешествуют Лароши, Кошри, Патинуа и т. д.

Эти заезжают в гостиницы; те, что победнее, останавливаются в жалких трактирах, куда пускают и бродячих актеров. Они распрягают на темном дворе загнанную лошадь, прислоняют к стене свой дом, лохань тюленя или постель урода.

Если возможно, они располагаются лагерем на пустырях или сразу же устраиваются на ярмарочной площади: ставят на землю переносную печь, развешивают белье, заставляют кувыряться детей, жарят колбасу. Слышится кашель колосса, шипение масла, собачий лай...

Существуют еще так называемые биасы[4], которые все свое достояние носят на себе. Это уличные фокусники; они шагают с ящиком за спиной и тащат за собой своего «медведя» — ребенка или обезьяну, брата или четвероногое. В башмаках из кроличьей кожи, в широченных штанах, в розовом трико под синей блузой, они быстро шагают по дорогам с унылым взглядом и пустым желудком, ибо все, что им удалось проглотить за день, это шпаги.

Порой такого странника сопровождает все его семейство — жена в лохмотьях, босоногие малыши. Одного он несет на плече, другого сажает верхом на ящик за спиной.

Он нюхает воздух, вопрошает горизонт.

Подул ветер, небо покраснело...

Что, если завтра будет дождь?!

Дождь — это враг, нищета, голод. Ни крестьян на площадях, ни зевак на ярмарке. О, если бы вы знали, что значит для наших бродячих трупп затянутое тучами небо!

Таковы наши странствия.

Такова жизнь, которую я вел в течение четырех лет — сначала как любитель, как какой-нибудь русский князь, сопровождающий наездницу, потом — чтобы заработать на хлеб и быть возле нее.

Я неминуемо должен был дойти до этого, и предсказать мое падение было нетрудно.

В путь я отправился с тысячей франков; их хватило на несколько месяцев. Наступил день, когда у меня остался один, последний, луидор.

Что делать?

До сих пор я еще не думал об этом.

Однако я вынужден был подумать об этом теперь.

Расстаться с ней, вернуться домой?.. Было еще не поздно.

Я сделал попытку: вечером, задыхаясь, я убежал в поле и прошагал два лье по направлению к дому...

Однако кольцо было запаяно крепко, а цепь прикована прямо к сердцу, и внезапно я остановился.

Я посмотрел туда, в сторону равнины, на белую дорогу, на зеленые деревья. Стоило мне пройти ночь, потом день, и завтра вечером я был бы в деревне, меня обняла бы старушка мать.

Но я вернулся!

Я вернулся на ярмарочную площадь и незаметно забрался в фургон, а утром я трусливо солгал что-то, чтобы остаться. Кажется, я сказал, что гостиница переполнена или слишком дорога... Впрочем, Розита не особенно настаивала на объяснениях, и я водворился в балагане.

Поездка оказалась удачной: труппа Феррани имела успех, и нам удалось добавить к уже знакомым публике актерам новых феноменов, «достойных внимания». Моя бездеятельная любовь воспользовалась этим благополучием, и я стал жить вместе со всеми, питаюсь обедами. Стыдясь есть этот незаработанный хлеб, я изобретал всевозможные способы расквитаться и принимал участие во всех работах: помогал по вечерам прибивать доски, натягивать парусину, втаскивать декорации.

Во время представления я забирался в фургон, делая вид, что читаю, и, пока Розита потела, подымая гири или увлекая в вальсе пожарных, я сидел там в полном оцепенении и, словно помешанный, отбивал худыми пальцами на темном брюхе барабана какие-то мелодии, незнакомые и мне самому.

Но вот счастье изменило нам: дождь, ужасный дождь потопил удачу труппы в самом зародыше. Этот год вверх в нищету всех бродячих актеров, не имевших в запасе денег и времени. На ярмарочную площадь, где в то время мы стояли, бедствие обрушилось с особенной жестокостью, и наступил день, когда нам пришлось обменять ломовую лошадь, возившую наш фургон, на старую слепую клячу; несчастное животное могло идти только на поводу, но безропотно таскило нас по самым трудным дорогам.

Розита ничего не говорила. Быть может, она все еще считала себя богатой. Быть может, она испытывала стыд, жалость. Я не решался объяснить себе ее молчание.

Но вот однажды в соседнем балагане умер от голода ребенок — великан. Уже два дня обитатели того фургона ничего не ели, отдавая свою порцию этому человеку — животному,

являвшемуся их последним оплотом, последней надеждой на заработок. Для того чтобы эта груда живого мяса могла продолжать жить, необходимо было кидать в нее, словно в пасть громадной печи, целые туши свежей говядины и шестифунтовые караваи хлеба. И когда денег на покупку хлеба и говядины не стало, этот колосс отдал богу то подобие души, какое у него было.

В труппе Розиты с ужасом встретили эту новость, и вечером, когда я сел за стол, уроды косо взглянули на меня.

Жалкий трус, я съедал их долю, их порции урезывались для того, чтобы я получал свою. Я выпивал последнюю каплю их вина.

Теперь надо было уходить!

Но было ли это возможно сейчас?

Уйти, как уходит пес, когда нет больше костей, когда наступил голод! Уйти после того, как она целый месяц поила и кормила меня, уйти, как неблагодарный, как презренный трус!

Я же ушел, и даже сейчас, столько перестрадав оттого, что я не сделал этого, когда еще было время, я все-таки не жалею о том, что остался. Это было бы возможно лишь в том случае, если б тяжкое бремя нужды не лежало на ней, а меня не давило еще более тяжкое бремя — благодарность. Полный отчаянья, я разрыдался, и звук моих рыданий привлек Розиту. Как ребенок, бросился я в ее объятия, прося у нее прощения, поверяя ей свою боль.

— Я знала, — сказала она и добавила с грустью: — Ты должен уехать к матери...

Слово «уехать», сорвавшееся с ее уст, не оттолкнуло, а лишь еще крепче привязало меня к ней. Словно утопающий за соломинку, я цеплялся за свою большую любовь и молил Розиту позволить мне остаться с ней.

Она сказала:

— Хорошо.

— Каким же образом? — спросил я.

— Есть одно средство, — сказала она.

— Какое?..

С секунду она колебалась, потом взглянула на меня и сказала:

— Сделайся «великаном»...

Великаном! И так, я учился в коллеже, переводил Вергилия и читал Платона для того, чтобы стать «великаном» и показывать себя за деньги: по три су с штатской публики и по два су с

господ военных и нянек!

Однако что же другое можно было придумать? Ведь таким образом я оставался с нею и, вместо того чтобы быть бременем, начинал добывать деньги для каравана, платить свой долг; становился больше, чем любовником, — почти мужем.

И что же требовалось для всего этого? Я должен был одеться генералом, надеть на голову треуголку и приделать двойные каблуки к сапогам.

В следующее воскресенье на ярмарке в Ториньи меня представили публике как «самого высокого человека нашего столетия».

— И поверите ли? — сказал великан с прояснившимся лицом. — Мое решение не принесло мне особых страданий. Первые месяцы оказались менее мучительными, чем можно было ожидать, пожалуй даже веселыми. Я уже привык к этой жизни, а последние недели, проведенные мною в балагане, не только сломили мою гордость, но и закалили меня. К тому же, занимаясь нашим ремеслом, при котором непременно надо дурачить толпу, вы быстро проникаетесь презрением к этой толпе.

Страх быть узнанным исчез вместе с моими длинными волосами и светлой бородой, и самый пронзительный из моих учеников не смог бы узнать своего бывшего учителя в этом ярмарочном великане. Я спокойно жил под маской румян и белил, весь уйдя в свою неистовую любовь.

Перед публикой я рисовался; мне случалось превращать сцену нашего передвижного театра в кафедру иностранных языков, и с высоты ее я побивал жалких воспитателей и тупых учителей. Простой народ аплодировал мне, и на каждой ярмарочной площади у меня бывал свой месяц популярности.

В нашем мирке я считался гением; я давал советы, составлял обращения к публике, сочинял пьесы для спектаклей на открытом воздухе, пародии для шутов, и женщины из балаганов, да и не только из балаганов, украдкой поглядывали на меня, завидуя счастью Розиты!

Она гордилась мной и осыпала меня ласками.

— Какой ты у меня ученый! — говорила она, стараясь дотянуться до моего лица.

А я нагибался, чтобы стать как можно меньше ростом, и целовал ее.

В этот период она забеременела. Это было большой радостью в нашем балагане. Мы были почти богаты, будущее рисовалось нам в розовом свете.

— Хорошо бы у них родился урод, — говорили соседние циркачи, — тогда их дело в шляпе. Пусть Розита съездит в Бокер; там в этом году показывают много разных монстров. Вот бы ей запомнить ребенка — рыбу.

Слава богу, она не запомнила ни этого монстра, ни других и произвела на свет девочку, прелестную, как Амур, и стройную, как цифра 1. В церкви ее по всем правилам окрестили Розитой, а в балагане назвали Виолеттой — то есть фиалкой, цветком, растущим в тени. О ее судьбе я вам расскажу после.

Великан провел рукой по лбу, словно отгоняя какое-то тяжелое воспоминание, и продолжал:

— Так мы объездили весь восток Франции, побывали в Бельгии и Голландии, где я имел большой успех. Розита даже оставила свои гири. Теперь она стояла в городском платье у входа в балаган и «лаяла», то есть зазывала, заманивала публику.

Она стояла там и смело повторяла затейливые фразы, которые я выкраивал для нее по вечерам в фургоне, пока она подсчитывала дневную выручку или чинила тряпье спящих уродов.

Наш караван разросся и дела улучшились. К нашей труппе прибавился «человек — скелет».

— Неужели тот, который десять лет назад выступал в Париже на Аустерлицкой набережной? — прервал я великана.

— Тот самый. Так вы знали это страшилище? Когда из-за занавеса раздавалось его жуткое хрипение, а потом появлялся он сам, даже мужчины бледнели и пятились назад, в ужасе хватаясь за голову, — я сам видел это.

Это был черный призрак. Его желтые кости, совершенно не прикрытые мясом, стучали при каждом его движении. Все нутро переворачивалось, когда своим глухим и хриплым голосом он произносил:

— Я не сплю уже десять лет!

И все же он спал.

Однажды в Голландии мы ехали втроем по реке на палубе судна: Розита, он и я. Я все время сидел, чтобы казаться меньше ростом, человек — скелет свернулся под сложенными парусами У моих ног.

Пассажиры знали о его присутствии на судне, и все вокруг нас говорили о нем: шел спор о его постоянном бдении, держали пари — кто за, кто против.

И вдруг, в самый разгар спора, мерный и монотонный звук раздался из-под парусов, знакомый звук, заставивший всех насторожить уши.

— Это храпит скелет! — крикнули зрители.

Да, это был он. Кто-кто, а мы хорошо знали это. Но тут Розита выхватила из кармана перочинный ножик, всадила острие в одну из костей урода, и тот приподнялся на своем ложе. Инстинктивно почувствовав, в чем дело, бессмысленно глядя в одну точку, он

выкрикнул испуганным насмешникам свое зловещее заклинание и, в изнеможении упав на прежнее место, повторил еще раз: «Я не сплю уже десять лет!»

Секрет этого бдения заключался в его страшной выносливости и в чудовищной энергии. В этом трупe жила душа; он был человеком, этот призрак. Он умел лгать так, что истощал терпение и сбивал с толку пытливость. Он смущал скептиков, ставил в тупик ученых, обманывал полицию и дурачил науку. Только мы да его любовница видели его спящим.

— Его любовница? — переспросил я великана, ужаснувшись.

— Да, любовница, у которой были от него дети и которую он бил по вечерам, когда она прятала от него водку, — ведь только водка служила маслом для этой лампы и поддерживала эту вечную агонию. Если бы не его пороки, он, может быть, был бы жив до сих пор; он умер оттого, что слишком много пил и слишком много любил.

Впрочем, он все равно свалился бы, рано или поздно, так как секрет его необычайной худобы заключался в ужасной опухоли под левой лодыжкой, которая пожирала его тело и пила его кровь.

Однако настал день, когда уже нечего было пожирать, жизнь целиком ушла через черное отверстие раны, и он упал, как падает сухое дерево.

Последний вздох он испустил в 185... году в больнице Нек-кера, куда мы его перевезли. Теперь он спит!

Мы очень горевали о нем, потому что почти весь доход доставлял нам он один.

На следующий день после похорон сам Барнум, знаменитый Барнум[5], которого вы знаете только по книгам, но с которым мы, циркачи, бывало, пили вместе, предложил мне дикарей: вы видели их когда-то в цирке. На сей раз это были настоящие дикари. Он оторвал их от родной земли и притащил сюда, чтобы выставить напоказ под грустным небом Европы.

Их было восемь, и сопровождал их старый негр, единственный, кого они понимали благодаря обрывкам какого-то странного жаргона, которому он научился на одном корабле, где, кстати сказать, он убил капитана и искалечил его помощника. Жестокий и холодный, он умел управлять этой кучкой изгнанников с помощью палки.

Как безобразны и как печальны были эти сыны далеких лесов! Чтобы заменить им жгучее солнце родины, приходилось постоянно поддерживать возле них жаркий огонь, у которого они отогревали исхудавшие ноги и руки.

Приходилось также, чтобы прекратить их дикие вопли, вливать огонь и в их грудь — давать им джин. Негр был их рупором и любил подстрекать их к этому мрачному разгулу. Если я отказывал в чем-либо, он молчаливо и покорно возвращался к своим рабам, но наступала ночь, и в балагане раздавались ужасные крики, страшные завывания: это караибы, наученные своим черным толмачом, требовали табаку или джину, и мне приходилось уступать — иначе они разнесли бы в клочья и тюремщиков и тюрьму.

И все-таки вместе с караибами и со мной, — я все еще выступал в роли великана, — труппа понемногу сводила концы с концами, и все было бы хорошо, если бы мы могли избавиться от этого ужасного негра.

Однажды утром я предложил ему уйти от нас. В этот же вечер загорелся наш балаган, и среди диких завываний караибов, которых пришлось выгонять из огня, как медведей, и уводить с помощью солдат, мы увидели, как пламя пожирает наш бедный караван вместе со всем его содержимым. Костюмы, занавес, декорации — все исчезло, все, вплоть до бумажника, где было спрятано несколько банковых билетов. Я полез искать его в самое пекло, но напрасно: прыгая в огонь, я вдруг увидел, как раздвинулись в улыбке черные губы негра и расширились зрачки его глаз. Ручаюсь головой, что преступление совершил он. Там, на берегу большой реки, на краю чьей-нибудь могилы, он поклялся в ненависти, вечной ненависти к белым.

Он не увидел больше своей родины, не вернулся туда со скальпами замученных и убитых им людей: впоследствии один из дикарей, внезапно почувствовавший: “: тоску по крови, выпустил ему кишки.

Что до нас, то мы вдруг оказались без всего — без денег, даже без театральных костюмов, а без них невозможно было продолжать заниматься нашим ремеслом. Мы отпустили негра и дикарей, потому что не могли теперь держать их у себя, кормить, не могли платить им, и продали слепую лошадь. Бедная! Когда мы расставались с ней, она, словно чувствуя, что ее бросают навсегда, жалобно заржала и обратила на нас свои мертвые глаза, в которых, казалось, стояли слезы.

А потом началась нелепая жизнь, полная лишений, жизнь, которую я, тем не менее, охотно пережил бы еще раз.

О, счастливые времена, когда только я, один я, мог ее утешить и только мои шесть футов и пять дюймов могли ее поддержать!

Когда мы остались одни в вечер катастрофы, то была тяжелая минута, но как только дверь чердака, куда мы перенесли остатки своего тряпья, закрылась за нами, она бросилась мне на шею и сказала:

— Ну, великан! Что нам делать?

От этих слов, произнесенных грустным голосом, мое сердце затрепетало от радости, и воспоминание о времени, последовавшем за нашим разорением, я не променял бы на лучшие дни богачей.

На следующий день я выкрасил Розиту.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 13 мая 2026 10:11:10

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 13 мая 2026 10:11:20